

Мораль и право в цифровом обществе*

Б. В. Марков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
Институт философии РАН,
Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1

Для цитирования: *Марков Б. В.* Мораль и право в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 4. С. 512–524. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.406>

Традиционные ценности правды, справедливости, стыда, совести, ответственности, долга, прощения, любви в процессе цивилизации уступают место функциональным и формальным отношениям. Новый импульс в этом направлении дают цифровые технологии, открывающие возможность вынесения этических и юридических решений уже не людьми, а машинами. Речь идет о том, чтобы формализовать мораль и право, создать алгоритмы вынесения оценок и решений, которые могли бы быть запрограммированы и выполнены искусственным интеллектом. Опасения вызваны тем, что человек перед лицом цифрового права перестает быть личностью, субъектом, становится элементом закона. Но, учитывая, что «человеческий фактор» нередко оборачивается коррупцией, приходится признать, что формальный подход более объективный, нежели основанные на сочувствии эмоциональные оценки. Поэтому в «Критике практического разума» И. Кант противопоставил этике чувства мораль, основанную на долге, который мыслитель определил как закон свободы. Очевидно, что сложившиеся этические и юридические нормы требуют изменения или дополнения новыми правилами, регулирующими поведение людей в ситуациях, которые не встречались раньше. Эта проблема возникает в условиях перехода от сословного общества к гражданскому. По мере того как человек все плотнее охватывался экономическими и социальными порядками, он уже мыслит по формуле «ничего личного». В статье обсуждается проблема обоснования рациональных и эмоциональных предпосылок этики и права. Предлагаются модели принятия этического и судебного решений, включающие анализ конкретного применения формальных норм и законов с учетом моральных ценностей.

Ключевые слова: цифровое общество, мораль, право, этика, справедливость, вина, стыд, совесть, прощение.

Введение. Право и справедливость

Прежде чем заниматься конкретным законодотворчеством, полезно предпринять философскую аналитику таких базовых понятий, как справедливость, ответственность, права человека. Чистая сила не признает законов, ее границу обычно задает другая сила. Наоборот, право связывают со справедливостью, ведь судебное решение должно быть справедливым. Если государство — это форма господства

* Исследование выполнено за счет гранта Министерства высшего образования и науки Российской Федерации (проект «Новейшие тенденции в развитии наук о человеке и обществе в контексте процессов цифровизации, новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798).

одних над другими, а право — это право сильного, то оно несправедливо. Однако то, что кажется справедливым одним, не совпадает с интересами других. Отсюда справедливость легко переходит в протест, который после поражения трансформируется в ресентимент — жажду мести и реванша.

Итак, сила несправедлива, а справедливость бессильна. Но можно посмотреть на игру силы справедливости иначе. Право запрещает насилие и тем самым связывает силу, оно есть не что иное, как баланс силы и справедливости. Различают естественное и позитивное право. Естественное допускает насилие в случае достижения высших целей. Позитивное право равнодушно к целям и запрещает применение насилия в качестве средства их достижения. Также оно не допускает личной мести. Нарушитель должен быть осужден по закону. Кроме права, силу связывает мораль. Если право ограничивает власть сильных, то мораль, наоборот, нейтрализует протест слабых. Она откладывает исполнение справедливости на будущее.

Мораль и этика — это слова разных языков. Но есть и содержательное отличие. Этика происходит от этоса — набора таких социальных добродетелей, как патриотизм, мужество, забота и защита слабых, власть и достаток. Мораль определяется по-христиански как самопожертвование, терпение, прощение. Мораль определяют как состояние нравственности, а этику — как теорию или эпистемологию моральных суждений.

Если раньше считали, что нет лучшего лекарства от болезни общества, чем мораль, то теперь обращают внимание на ресентимент — отложенную месть, которой слабые и униженные угрожают своим обидчикам. Ф. Ницше говорил, что болезнью Европы является христианская мораль. Мораль универсальна, пригодна для оценки любых поступков, как плохих, так и хороших. Вопрос в том, кто может оценивать саму мораль, какая мораль является хорошей. В этой связи происходит поворот от общечеловеческой морали к прикладной, этике. Поскольку мораль в основном запрещает, необходимо разрабатывать утвердительную, разрешающую этику.

В разработке проектов будущего моральные аргументы, особенно ссылка на ответственность перед будущими поколениями, играют центральную роль [1, р. 20–29]. Для начала следует нейтрализовать главные опасности, прежде всего производство ядерного оружия, применение которого приведет к исчезновению жизни. Другая угроза — экологическая. Пути ее снижения тоже известны. Но выполнение соглашений, направленных на сохранение природного баланса, сталкивается с законами рынка. Надежды активистов сетевого общества на то, что новая технологическая революция сделает жизнь не только более комфортной, но и свободной, тоже реально не воплощаются. Гонка вооружений остается одной из выгодных инвестиций капитала, энвайронментализм превращается в своеобразную «зеленую дубинку», а сетевые сообщества — в активистов «бархатных революций». Все это заставляет оставить до лучших времен утопии мирного сосуществования на основе братства или дружбы между людьми и народами.

Нонкогнитивная этика

Освальдо Джакомо утверждает, что «этика нашего времени начинается с ницшевского преодоления ресентимента» [2, с. 512]. Д. Агамбен, реагируя на вердикт Т. Адорно о том, что культура после Освенцима превратилась в хлам, также пола-

гает, что Ницшева критика иудео-христианской морали осуществлялась для того, чтобы избавиться от вины и нечистой совести. Суть концепции Агамбена в том, что государство — это не своеобразный пакт объединения и подчинения, а насилие [3, с. 256]. Мысль о том, что в основе образования государства лежит не право на личную свободу, а наоборот — запрет на ее реализацию без санкции власти содержится в самом названии гоббсовского трактата. Поскольку либеральные мыслители истолковали «Левиафан» Гоббса в духе теории общественного договора, это сделало демократию беспомощной при столкновении с суверенной властью.

Моральные чувства обостряются в ситуации кризиса и поражения. Обычно закрепляются отрицательные переживания, которые в политическом аспекте можно определить как жажду реванша. Наоборот, тема вины и совести не слишком заботит победителей, в морали они говорят о справедливости, а в политике — опираются на патриотизм. Поэтому нигилисты выдвигают аргументы против морализма. Вопрос же о том, какую позитивную мораль или этику они предлагали, остается без ответа. Возможна ли она вообще, и если да, то какая? Вряд ли она возможна в форме метафизической универсальной теории. Стоит говорить о множестве моральных решений, о моральном ориентировании, о выборе и решении в той или иной ситуации, о респонзивности своего и чужого.

В аналитической философии обсуждался вопрос о природе моральных высказываний. В рамках делиберативной этики они принципиально не отличались от обычных пропозиций, которые могут быть истинными или ложными. Таким образом, решение моральных конфликтов предполагалось на основе логики дискурса [4, с. 14]. Ее правила таковы: каждый имеет право заявить свою точку зрения, но должен привести убедительные аргументы. Соответственно, каждый может возразить, опираясь при этом на достоверные факты или общепризнанные истины.

На практике моральные конфликты не похожи на дискуссии профессоров и чаще всего заканчиваются не консенсусом, а столкновениями. Это происходит потому, что моральные высказывания, как это остро чувствовал Л. Витгенштейн, принципиально отличаются от научных сообщений. Он не определил достаточно четко их модальность, но указал, что они не соответствуют действительности, ибо обычно ее отрицают или осуждают. Различие высказываний о фактах и о ценностях кажется очевидным. Факты — это то, что есть, а на ценности нельзя указать пальцем. Факты — это позитивное знание, а ценности как раз не воплощаются в жизни. Парадоксально, что на основе морали даже успешные действия иногда расцениваются негативно. Именно это и вызывает беспокойство ученых, для которых факты — критерий истины и фундамент знания. Признание ценностей, по сути, означает признание границ науки. Если научные теории опираются на такие допущения, которые недоказуемы научными методами, если признается множество точек зрения, где истина определяется ценностями, то придется отказаться от достижения единства на основе объективного знания.

В социальных науках ценностные высказывания играют центральную роль, но там единство норм и правил обеспечивается жизненным опытом, на основе которого складывается этос народа, т. е. набор, как сегодня выражаются, паттернов поведения. Нормы и коды социального жизненного мира обеспечивают порядок общества. Они находят выражение не только в законах, но и в верованиях и привычках.

Если факты учитываются, даже если они не нравятся, то ценности требуют признания. Что такое признание и каковы его формы? Является оно результатом реальной борьбы, как считал Гегель, или актом сознания, как в случае любви и веры? Нонкогнитивная этика признает специфику моральных высказываний, которые не являются истинными или ложными, а выражают эмоциональные состояния человека: симпатию — антипатию, сожаление — осуждение, одобрение — порицание. Такие чувства уникальны, они во многом зависят от человека и поэтому не регулируются какими-либо правилами.

Культура стыда и культура чести

На самом деле чувства не спонтанны, предмет, на который они направлены, — это ценности, которые формируются в процессе жизнедеятельности того или иного народа в конкретных исторических условиях. Цивилизационным достижением античности принято считать искусство заботы о себе, включающее кроме философствования гимнастику, диетику, спортивные и иные состязания. В христианстве наставления касались заботы о душе. В Новое время место религиозной аскезы и рыцарского этоса заняли различные кодексы рационального поведения. Учетливость и хорошие манеры стали частью цивилизационного образа жизни. Они способствовали усилению самоконтроля, внимания к моральной реакции окружающих. Согласно Н. Элиасу, проявление спонтанной силы вытеснялось в придворном обществе галантным поведением, которое нормализовало психику человека. В частности, чувство стыда трансформируется в стремление выглядеть добропорядочно и прилично в глазах окружающих. Конечно, можно сожалеть, что на место непосредственного переживания стыда приходит этикет, но при этом нельзя отрицать, что неприязнь ко всему грубому способствовала пацификации европейского общества.

В процессе секуляризации христианские ценности модифицировались, но не исчезли. Согласно М. Веберу, в буржуазном обществе аскетизм уступает место бережливости и расчетливости, способствующей умножению капитала. По мере развития косвенных связей между людьми, обострения конкуренции и соперничества как внутри, так и между группами, постепенно формируются новые виды моральных переживаний. Вместо страха телесного наказания в христианстве культивируется опыт переживания греха, вины, покаяния. Мораль как бы перемещается в душу человека, а чувство стыда связывается с формальными обязанностями. Чтобы не потерять уважение в глазах окружающих, индивиды заботятся о выгодном представлении себя на сцене жизни.

Если на ранних ступенях цивилизации регулятором поведения был стыд, то в христианстве двойником биологического индивида стал голос совести, осуждающий не только проступки, но и побуждения к ним. Стыд и честь связаны с самоуважением и самоутверждением. Совесть — это внутреннее состояние сознания, способность сопереживать страданиям другого [5, с. 41]. При этом страх не вытесняется разумностью, а наоборот, культивируется на общественном уровне с целью подавления аффектов. Именно благодаря росту разумности усиливается страх войны, экологической катастрофы, эпидемических заболеваний и т. п.

Сегодня проблема хорошей жизни ставится и решается с точки зрения расширения индивидуальной свободы. Если раньше в сфере труда и экономики господ-

ствовала расчетливость, то по мере накопления достатка и увеличения свободного времени на первый план стало выходить не производство, а потребление. В. Зомбарт в этой связи доказывал, что мотором капитализма является не протестантская этика, а наоборот, стремление к роскоши. Современная экономика по-своему рационализировала сферу услуг, освоила практики развлечения и удовольствия. Если раньше социальным ядром человека была личность, то сегодня каждый самостоятельно творит свой образ, но, конечно, под влиянием рекламы и бдительным контролем производителей. Само искусство существования превращается в производство себя как товара.

Нонкогнитивная мораль

Евангельская заповедь «любите врагов ваших», применимая в нормальных условиях существования, кажется небезопасной в чрезвычайной ситуации, когда речь идет о спасении жизни. Это убедительно показал И. А. Ильин в своей полемике с Л. Н. Толстым. Не стоит переоценивать моральные чувства. Ницше, Кьеркегор, Хайдеггер, Сартр и современные критики предъявили серьезные аргументы, свидетельствующие о том, что моральные чувства подверглись деформации и неадекватно оценивают происходящее. Но отбрасывать опыт моральных переживаний преждевременно и рискованно, особенно в эпоху, когда сталкиваются процессы цифровизации и мобилизации.

Сегодня этика как теоретическая и прикладная дисциплина, конечно, преподается, однако мораль как опыт переживания сострадания, сочувствия, покаяния и прощения практически отсутствует. Облегчение жизни, ориентация на удовольствия не способствуют воспитанию сострадания. Отчасти это могло бы компенсировать искусство и особенно литература. Однако интернет вытесняет не только чтение книг, но и межличностное общение, где главным являются разговоры о переживаниях. Их терапевтический эффект явно превосходит беседы с психоаналитиком, к платным услугам которого прибегают жители современных мегаполисов.

Эволюция морали заслуживает внимания как часть истории эмоционального сознания. В этом аспекте воспитание моральных чувств оказывается важнейшей задачей культуры. Пассионарность зависит не от солнечных бурь, а от практик и техник воспитания, посредством которых тот или иной народ формирует свою идентичность. Ностальгия о старом, ушедшем возникает не только от того, что оно было частью нашей жизни. К сожалению, новое, хотя оно и неизбежно, не всегда оказывается лучше старого. Поэтому политика памяти должна не только заниматься критикой традиционной морали с точки зрения современности, но и раскрывать ее воспитательный эффект.

В этой связи необходимо раскрывать позитивный результат и античной заботы о себе, и христианской заботы о душе, и моральных кодексов эпохи Нового времени. Если в этике Аристотеля с точки зрения справедливости обсуждается, сколько любви должно принадлежать родителям, детям, родственникам, друзьям, соседям, то в христианстве все достойны любви. Вместо языческих богов-эгоистов в христианстве Бог приходит не для того, чтобы договариваться, а чтобы спасти человека. Заповедь «возлюби ближнего твоего как самого себя», которая кажется нереализуемой, на самом деле открывает путь мирного сосуществования людей.

Любовь как нисхождение высшего к низшему обеспечивает не только восприятие другого как самого себя, но и восхождение к высшим ценностям. Поскольку бог — это не холодный образец, а любящая и прощающая личность, любовь из «потребности» превращается в благодать. Это не простое сочувствие, а деятельная помощь, направленная на воспитание позитивных ценностей. Помощь делает лучше и того, кто дарит, она делает его сильнее. Толерантность и терпимость явно недостаточны для этой цели, поэтому добрые нередко оказываются виновными в существовании злых. Они оставили их на произвол судьбы, не помогли, не поддержали их. Любовь Христа к грешникам — это не ресентимент, а преодоление разделения людей на плохих и хороших. Кажущееся парадоксом утверждение «грешник, который грешит, лучше грешника, который не грешит» направлено на фарисеев, которые ведут себя в соответствии с моральными нормами, чтобы продемонстрировать свою лояльность. Они озабочены не спасением души, а созданием образа, демонстрирующего благопристойность в глазах окружающих.

Представители философии русского эроса В. С. Соловьев, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев говорили не только о духовной сущности любви. Христианская любовь универсальна, но она не исключает земной любви. Это не биологически или социально оправданная любовь. Люди вступают в близкие отношения, чтобы встретиться с трансценденцией, символом которой в русской религиозной философии Серебряного века стала София — Божья премудрость. Она воспринималась В. С. Соловьевым как самое близкое существо, которое любит тебя больше, чем ты сам, которому открыто то, чего ты сам о себе не знаешь.

Экзистенциальная драма В. С. Соловьева и его последователей — А. Блока, С. Соловьева, А. Белого — состояла в том, что в жизни они не смогли совместить земное и небесное, мечтая о всеобщей любви, они не смогли вытерпеть совместной жизни на близком расстоянии. Хотя христианство культивирует страдание, терпение не сводится к мазохизму. В. О. Ключевский приписал культ страдания русскому народу в целом. Но даже если оно проявляется в смирении и непротивлении злу, то это развивает чувство сострадания. Сострадая мукам Христа, обиженные, обездоленные люди забывают свои обиды и восстанавливают моральную связь в обществе. Теория обманщиков-жрецов явно не объясняет функций религии, которая связывает людей в общество состраданием, покаянием и прощением.

В буржуазном обществе ядром человеческой экзистенции стал культ свободы. Параллельно философским теориям развивались дисциплинарные практики, воспитывающие самодисциплину и ответственность. В правовом государстве нет нужды ни в терпении, ни в прощении. Преступник получает заслуженное наказание, которое делает прощение ненужным. Если он отбыл в местах лишения свободы положенный срок, то не чувствует никакой вины. На самом деле таким путем не восстанавливается справедливость, а обида не только остается, но даже еще и удваивается. По убеждению Ф. М. Достоевского, только после покаяния преступника и прощения со стороны потерпевшего можно говорить о восстановлении разрушенного насилием социального порядка. Прощение относится к неискупленной вине. Его нельзя надолго откладывать. Чувство обиды и унижения преодолевается прощением, которое избавляет не столько от наказания, сколько от мук совести. Остается вопрос: все ли можно простить?

Достоевский не решился стать адвокатом бога и не смог простить страданий маленьких детей. В современных обществах благоденствия происходит своеобразная инфляция прощения и одновременно растет потребность в благотворительности [6, с. 335]. Кажется, что прощение и милосердие дополняют друг друга. Но на самом деле между ними есть разница. В милосердии есть нечто холодное. Чаще всего люди предпочитают внести небольшие средства в благотворительные фонды, чтобы не думать о страданиях других. Прощение — это драматическое событие, а милосердие не знает ни глубины зла, ни жгучей обиды. Столь же бесстрастен стоик, который считает, что дело не в обидчике, а в том, как мы оцениваем его поступок.

Тем не менее люди по-прежнему лгут, обижаются, лелеют злобу, ненавидят, ищут врагов и лучше помнят плохое, чем хорошее. Если род людской не исправим, то ненависть не подвластна времени. И все же, говорят, время лечит. Постепенно происходит эрозия ненависти, которая соприкасается с повседневностью, превращается в привычку. Судя по «Выстрелу» А. С. Пушкина, обида забывается со временем. Пошады, по Данте, не знает машина ада, где грешники обречены на вечные муки. Утешая себя мыслью о мщении, человек как бы изнашивает злобу. Но это нельзя назвать прощением. Этика не принимает во внимание усталости совести. Согласно общепринятой поговорке, понять — значит простить. Но если во внимание принимается стечение обстоятельств, учитываются причины, по которым невозможно было поступить иначе, то речь идет не о прощении, а об оправдании. Акты юридического и морального признания включают людей в сообщество. Если они сопровождаются рациональными рассуждениями, анализом групповых стереотипов или индивидуальных фантазмов, порождающих враждебность, то способствуют преодолению злопамятства. Рассудочное прощение похоже на извинение проступка объективными обстоятельствами, а прощение — это душевный акт, обращенный к грешнику. Не ссылаясь на закон, отказываясь от возмещения ущерба, великодушный человек, осознавая, что и он не без греха, преодолевает месть и злопамятность.

Если злопамятность — это воздаяние злом за зло, то прощение — это абсолютное добро. Прощение тесно связано с доверием и пониманием. Оно не меняет оценки греха, а преодолевает ненависть и обеспечивает возможность мира. Забвение же не есть подлинное прощение. Примирение как результат улаживания конфликта на основе понимания, конечно, выше забвения, так как способствует интеграции людей.

Если существует мировое зло, воплощенное в дьяволе, то на нем и вина. Так инквизиция разгружается от ответственности. Аналогичным образом революционные трибуналы выносят приговор в зависимости от того, является осужденный другом или врагом режима. Строго говоря, допущение онтологического зла предполагает вывод о безгрешности, невинности осужденного. Всепрощение открывает злым неограниченный кредит, который будет исчерпан, когда им надоест творить зло. Поэтому даже в гражданском обществе, несмотря на презумпцию невинности, суд ожидает признания вины и раскаяния. Прощение не предназначается для нераскаявшихся виновных. Поскольку они его не просят, это превращает прощение в фарс.

Эра всепрощения и толерантности, к сожалению, продлилась недолго. Сегодня конфликты снова решаются средствами насилия. Возможно, это вызвано интенсификацией переживания коллективной вины за «ужасное прошлое», в котором имели место империализм, колониализм и мировые войны. Одной из причин так-

же стала миграция, вызванная потребностями экономики и принимаемая коренным населением, сознание которого отягощено комплексом вины за колонизацию стран третьего мира. В результате европейские общества оказались перегружены чужими, которые живут по своим правилам и разрушают порядок, основанный на ценностях западного мира [7, с. 19]. Получается, что в нормальном состоянии общества можно опираться на делиберативную этику, т. е. на диалог. Но как быть в чрезвычайной ситуации, какая мораль пригодна в этих условиях? Если переговоры не дают результатов, приходится принимать решение, т. е. допустить нечто вроде суверенной диктатуры.

Плюрализм в период истории, называемый постмодерном, оказался новой формой европоцентризма. [8, с. 145] Особенно явно это видно на примере модернизации и глобализации. Оба процесса направлены на расширение сферы влияния европейских ценностей. При этом другие чаще всего остаются чужими, как это видно на примере отношения к мигрантам, и даже врагами, как это обнаружилось сегодня в отношениях Европы и России. Означает ли это, что принцип плюрализма и связанные с ним мультикультурализм и толерантность должны быть отброшены как не соответствующие современной мобилизации? Поспешный отказ от прошлого не позволяет учиться на опыте истории. Поэтому следует раскрыть политические, социальные и культурные риски плюрализма и установить границы, за пределами которых он не просто ошибочен, а опасен. Необходимо искать иной, третий путь.

Когнитивная этика и инстанции принятия решения

Высокосистемные дифференцированные общества связывают людей формальными обязательствами, а моральные чувства сохраняются в частных, дружеских, семейных пространствах совместной жизни. Вместе с тем индивиды и общество существуют не отдельно, а скоординировано. Поэтому и общественно значимые решения должны приниматься сообща, а оценки — выноситься с учетом как моральных, так и формально-правовых критериев. Для принятия социально значимых планов необходима публичная дискуссия, в которой кроме политиков и экономистов должна принимать участие общественность. Если интересы производителей определяются техническими возможностями и потребностями рынка, то рядовые граждане заинтересованы в реализации жизненных задач.

В этом направлении трансформируется этика и право. Члены суда и этической комиссии не могут уклониться от обязанности суждения, которое должно учитывать аргументы конфликтующих сторон. Решения определяются нормативной частью, ядро которой образуют моральные требования и нравственные нормы, а также общие законы и корпоративные правила, записанные в уставе той или иной организации. Почти все человеческие действия определяются социально значимыми нормами, составляющими то, что можно назвать общественным порядком. В ответ на одни действия мы ожидаем другие, а когда этого не происходит, возникает дискомфорт, протекающий либо в форме пристыживания в легких случаях, либо конфликта в серьезных случаях. Как этическое, так и правовое решение опирается помимо нормативного обоснования на рефлексивную и интерпретационную. Она может затрагивать применимость традиционной морали в условиях современно-

сти, а также анализ обстоятельств, вызывающих конкретные поступки [9]. Таким образом, решение суда и этической комиссии выносится на основе аргументации и интерпретации.

Нормативная часть судебного действия включает кодексы, законы и процедурные правила, регламентирующие судебный процесс. Deskриптивная часть общих правил включает оценивающие суждения доктрины и теории права, применяемые к различным судебным решениям. Наконец, перформативная часть — уголовная политика государства, министерства юстиции. Процесс принятия решения, вынесение приговора — это точка невозврата, которая предполагает тщательную детализацию, рефлексию и дебаты о применимости нормативной части к конкретному случаю. Судить — означает подводить единичный случай под общее правило или искать общее правила для конкретного случая. Применение закона предполагает его толкование, т. е. интерпретацию. Точно так же необходима интерпретация случая, чтобы определить, под каким углом к нему применим общий закон.

Решение отличается от дебатов тем, что предполагает некую божественную функцию всезнания. Поэтому возникает вопрос об ответственности. Как быть, если внутреннее убеждение не согласуется с решением, вынесенным на основе норм и законов? Как быть, если осознается возможность невиновности осужденного? Кажется, что решение — это дело совести и каждый берет ответственность на себя. На самом деле оно является совещательным, т. е. коллективным. Поскольку в дебатах представлены разные точки зрения и никому нельзя затыкать рот, то в процессе их обсуждения выносится вердикт, имеющий, строго говоря, не чисто юридический или этический, а тактический характер. Приговор суда не является неким изгнанием из общества. Решение этической комиссии и суда будет иметь терапевтический эффект, т. е. способствовать исправлению виновного, если является рационально аргументированным.

«Машиночитаемое» и «человекопонижаемое» право

Данная дилемма оформилась в дискуссиях юристов, но она характерна для когнитивного подхода в целом [10, с. 176]. Об этом свидетельствует парадокс Тьюринга, суть которого состоит в том, что в отличие от человека машина переводит китайский текст, не зная языка. Современные технологии позволяют оцифровать в том числе и свод законов, а также создавать программы для вынесения судебных решений. В результате законодатели, возможно, останутся, а вот исполнителями будут компьютерные программы. Зато уменьшится или совсем исчезнет коррупция и повысится доверие к правосудию. Наконец, цифровое право позволит сэкономить на адвокатах, которые строят защиту на юридических ошибках обвинения. Машина не пропустит несоответствия решения законодательству. Еще более эффективной будет цифровизация прецедентного права, так как избавит от работы в архивах. Законодатели тоже, если и не будут совсем упразднены, то освободятся от ангажированности. В соответствии с моделью информационного общества будут сформулированы адекватные законы, исполнение которых будет способствовать сохранению общественного порядка.

В рыночных обществах все продается и покупается. Избирательная кампания тоже требует финансовой поддержки. В обмен депутаты лоббируют такие реше-

ния, которые выгодны спонсорам. Если законы будут сформулированы машиной, то коррупция исчезнет. Вопрос в том, увеличится ли доверие к праву, уменьшится ли протестное движение? Размышление на эту тему обнаруживает, что оцифровка законов, приемлемая в теоретической модели общества, вряд ли вызовет одобрение у населения. Такими идеальными законами можно восхищаться, поэтому они представлены в Конституции в разделе о естественных правах, но вряд ли они будут применимы на практике.

Возражения основываются на том, что принятие решения — это творческий акт, включающий интерпретацию закона. Право как регулятор общественных отношений нельзя передать машине. Невозможность формализации правоприменения обусловлена тем, что судебное решение так или иначе опирается на здравый смысл и чувство справедливости, т.е. на моральные ценности [11, с. 14]. Поэтому законодатели и исполнители не могут быть заменены машинами. Судебные решения выносятся не по алгоритму, они требуют разбирательства. Очевидно, что при этом будут приняты во внимание сложившиеся обстоятельства, личные мотивы, моральные и иные ценности. Но не превратится ли тогда судебное разбирательство в моральную инквизицию. Должен суд учитывать политические и иные оценки или, наоборот, принимать решение, опираясь на букву закона? Ответ на этот вопрос зависит от того, насколько оправдана наша мораль.

Обычно считают, что суровая действительность смягчается под влиянием идеалов и ценностей. Поэтому их обсуждение и понимание считается эффективным способом гуманизации подрастающих поколений. На самом деле действительность, в которой мы сегодня существуем, быстро изменяется под воздействием глобализации. Поскольку она охватывает представителей различных культурных миров, между ними возникают конфликтные ситуации, для разрешения которых не существует универсальных норм и правил.

Проблема морали в том, что она опирается на бинарное мышление, принуждает выбирать между добром и злом и при этом заставляет верить, что добро побеждает, потому что зло не субстанциально. Исполняя служебные обязанности, мы нередко входим в конфликт с людьми, которые руководствуются традиционными представлениями о добре и зле. Чаще всего такие конфликты обсуждаются на примерах бизнеса, где приходится экономить на экологии, здоровье, выбирать между интересами конкретных участников рынка и государства в целом. На виду конфликты, вызванные возможностями новых технологий, в которых видят угрозу свободе и иным человеческим ценностям [12]. То же самое — в образовании, которое долгое время было цитаделью гуманизма классических университетов [13, р. 160]. Судя по общественным настроениям, необходимо перестраивать систему образования в направлении развития профессиональных и социальных качеств выпускников. Они должны овладеть современными технологиями, а на трудовом поприще проявлять социальную ответственность.

Либеральная модель предполагала дистанцирование бизнеса от моральных и социальных обязательств, препятствующих развитию экономики. Однако сегодня заговорили о социально ориентированных специалистах. Если в модное понятие человеческого капитала, помимо экономических показателей, входят еще и моральные ценности, то возникает вопрос, насколько они универсальны и достаточно ли для их исполнения изучения этических кодексов. Необходимо подвергнуть крити-

ке идеалистическую точку зрения на такие понятия, как права человека, личность, свобода и др. Эпоха Просвещения создала на их основе своеобразную моральную религию [14]. Процесс глобализации в очередной раз обнаружил, что европейские ценности не универсальны. Но это не означает, что их «царское место» должны занять культуры, которые ранее считались недоразвитыми. Как традиционные, так и современные нормы и ценности имеют историческую значимость, если выполняют положительные общественные функции. Только признание исторической обусловленности морального и правового субъекта способно преодолеть фаталистическую покорность и бунт ressentimentа.

Заключение

Те, кто принимают решение, не должны абсолютизировать мораль. Существуют другие инстанции, которые следует учитывать. Справедливое решение конфликта должно включать не только чисто человеческие переживания. Обиженным нужно дать понять, что государство, общество и его институты, так же как природа, технологии, исторические обстоятельства и экономические условия, — это нечеловеческие «машины». Это не значит, что они должны быть упразднены, уничтожены. Ведь это части окружающего мира, искусственной среды, в которой живут люди и с которой они должны находиться в согласии. Собственно, экологическое мышление должно распространяться не только на природу, на исчезающие виды живого, но и на социальные институты, на технику.

В стремлении сделать более гуманным современное дифференцированное общество, основанное не на личных связях, а на функциональных отношениях, нельзя делать ставку на моральное воспитание. Доверие в обществах с высоким социальным капиталом формируется не только на наставлениях родителей. Не менее важно, чтобы каждый человек имел достаточный уровень дохода, постоянную хорошо оплачиваемую работу, чтобы отсутствовали теневая экономика и «серые» необлагаемые налогами доходы [15]. К сожалению, мы живем в обществах риска и обмана. Успеха добиваются не благодаря честности, надежности, хорошей репутации; наоборот, самую высокую прибыль получает тот, кто предвидит и даже специально создает разного рода конфликты и чрезвычайные ситуации. Поэтому сегодня моральное просвещение должно принимать во внимание негативные и позитивные последствия тех или иных решений. Поскольку эра братства, о которой мечтал Н. Федоров, пока еще не наступила, остается опираться на принцип наименьшего зла. Это касается и внедрения цифровых технологий, которые пока вызывают больше страхов, чем надежд. Во многом это вызвано опасениями людей либо потерять обычную работу, либо оказаться под контролем устройств, ограничивающих свободу. К этому можно добавить использование новых технологий не для блага общества, а с целью извлечения личной выгоды. Эти опасности не являются неизбежными, их можно избежать благодаря контролю общества. Принимаемые решения должны опираться: во-первых, на свободное выражение своего мнения, которое должно быть аргументировано; во-вторых, каждое возражение тоже должно опираться на доказательство; в-третьих, в процессе дискуссии должны учитываться не только утилитарные, но и моральные ценности. Согласованное решение достигается не арифметическим подсчетом «за» и «против», что могут де-

лать вычислительные машины, а человеческим рассуждением, анализом и пониманием, которое обеспечивает справедливое решение и очищает сознание от мук совести и ressentimentа.

Литература

1. Hanson, O. V. (2018), How to Perform an Ethical Risk Analysis (ERA), *Risk Analysis*, vol. 38, iss. 9, pp. 1820–1829. <https://doi.org/10.1111/risa.12978>
2. Освальдо, Д. (2017), От генеалогии чувства стыда к спасению невинности становления, в: *Фридрих Ницше. Наследие и проект*, М.: Языки славянской культуры, с. 512–524.
3. Агамбен, Дж. (2011), *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*, М.: Европа.
4. Хабермас, Ю. (2016), *Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества*, М.: Весь мир.
5. Дробницкий, О. Г. (1970), Совесть, в: *Философская энциклопедия*, т. 5, М.: Советская энциклопедия, с. 41–42.
6. Янкевич, В. (2004), *Ирония. Прощение*, М.: Республика.
7. Саррацин, Т. (2012), *Германия. Самоликвидация*, М.: Рид Групп.
8. Липовецки, Ж. (2011), *Времена гипермодерна*, СПб.: РХГА.
9. Ricoeur, P. (2011), *Le Juste*, Paris: Edition Esprit.
10. Хабриева, Т. Я. и Черногор, Н. Н. (2020), *Будущее права*, М.: ИНФРА.
11. Зорькин, В. Д. (2019), Справедливость — императив цивилизации права, *Вопросы философии*, № 1, с. 5–4. <https://doi.org/10.31857/S004287440004029-6>
12. Colman, F. J. (2019), *Digital biopolitics: the image of life, Resisting biopolitics: philosophical, political and performative strategies*, Abingdon, U.K.: Routledge.
13. Oakeshott, M. (2011), *Religion, politics and the moral life*, New Haven: Yale University Press.
14. MacIntyre, A. (1981), *Study of moral theory*, Indiana: Norte Dame University Press.
15. Папакостас, А. (2016), *Становление цивилизованной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция*, М.: ВЦИОМ.

Статья поступила в редакцию 10 января 2022 г.;
рекомендована к печати 5 июля 2022 г.

Контактная информация:

Марков Борис Васильевич — д-р филос. наук, проф.; b.markov@spbu.ru

Morality and law in a digital society*

B. V. Markov

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya ul., Moscow, 109240, Russian Federation

For citation: Markov B. V. Morality and law in a digital society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2022, vol. 38, issue 4, pp. 512–524.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.406> (In Russian)

The traditional values of truth, justice, shame, conscience, responsibility, duty, forgiveness, and love in the process of civilization give way to functional and formal relations. A new im-

* The research was conducted with the financial support of a grant from the Russian Ministry of Science and Higher Education (project “The latest trends in the development of human sciences and society in the context of the process of digitalization and new social problems and threats: interdisciplinary approach”, agreement no. 075-15-2020-798).

petus in this direction is given by digitized technologies that open up the possibility of making ethical and legal decisions not by people, but by machines. It is about formalizing morality and law, creating algorithms for making assessments and decisions that could be programmed and executed by artificial intelligence. Fears are caused by the fact that a person in the face of digital rights ceases to be a person, a subject, becomes an element of the law. But, given that the “human factor” often turns into corruption, we have to admit that the formal approach is more objective than emotional assessments based on sympathy. Therefore, in the *Critique of Practical Reason*, I. Kant contrasted the ethics of feeling with morality based on duty, which the thinker defined as the law of freedom. Obviously, the existing ethical and legal norms require a change or addition of new rules governing the behavior of people in situations that has not been encountered before. This problem arises in the context of the transition from an estate society to a civil one. As man became more and more tightly enmeshed in economic and social orders, he was already thinking according to the formula of nothing personal. The article discusses the problem of substantiation of rational and emotional prerequisites of ethics and law. Models of ethical and judicial decision-making are proposed, including an analysis of the specific application of formal norms and laws, taking into account moral values.

Keywords: digital society, morality, law, ethics, justice, guilt, shame, conscience, forgiveness.

References

1. Hanson, O. V. (2018), How to Perform an Ethical Risk Analysis, *Risk Analysis*, vol. 38, iss. 9, pp. 1820–1829. <https://doi.org/10.1111/risa.12978>
2. Osvaldo, G. (2017), From the Genealogy of Shame to the Salvation of Innocence of Becoming, in: *Friedrich Nietzsche: Legacy and Prospects*, Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., pp. 512–524. (In Russian)
3. Agamben, J. (2011), *Homo sacer. Sovereign power and naked life*, Moscow: Evropa Publ. (In Russian)
4. Habermas, Y. (2016), *Structural change in the public sphere. Studies on the Category of Bourgeois Society*, Moscow: Ves' mir Publ. (In Russian)
5. Drobnitsky, O. G. (1970), Conscience, in: *Encyclopedia of Philosophy*, vol. 5, Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 41–42. (In Russian)
6. Yankelevich, V. (2004), *Irony. Forgiveness*, Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
7. Sarrazin, T. (2012), *Germany. Self-liquidation*, Moscow: Reed Group Publ. (In Russian)
8. Lipovetsky, Zh. (2011), *Times of Hypermodernism*, St Petersburg: RHGA Publ. (In Russian)
9. Ricoeur, P. (2001), *Le Juste*, Paris: Edition Esprit.
10. Khabrieva, T. Ya. and Chernogor, N. N. (2020), *The Future of Law*, Moscow: INFRA Publ. (In Russian)
11. Zorkin, V. D. (2019), Justice is the imperative of the civilization of law, *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 5–14. Publ. (In Russian)
12. Colman, F. J. (2019), *Digital biopolitics: the image of life, Resisting biopolitics: philosophical, political and performative strategies*. Abingdon, UK: Routledge.
13. Oakeshott, M. (2011), *Religion, politics and the moral life*, New Haven: Yale University Press.
14. Macintyre, A. (1981), *Study of moral theory*, Indiana: Norte Dame University Press.
15. Papakostas, A. (2016), *The formation of a civilized public sphere: distrust, trust and corruption*, Moscow: VTsIOM Publ. (In Russian)

Received: January 10, 2022

Accepted: July 5, 2022

Author's information:

Boris V. Markov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; b.markov@spbu.ru